

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.2.8>

UDC 316.74

LBC 60.5

LEVEL AND CHARACTERISTICS OF INTERFAITH TENSION OF THE BOTTOM VOLGA AREA ¹

Ivan V. Suslov

Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the data of a sociological survey conducted in the spring of 2020 of the Bottom Volga area by the research team of the Department of history, political science and sociology of the Saratov state law Academy. Primary sociological information was collected using the Internet survey of respondents using the Google forms service. The sample size was 1,100 people. Representatives of the Astrakhan region (184 respondents), Volgograd region (307) and Saratov region (609) were interviewed. The empirical study allowed us to determine the influence of respondents' religion on the perception of religious threats, as well as problems of interfaith dialogue. The regional specifics of the quality of interfaith relations were revealed, and the levels of religious tension in the Astrakhan, Volgograd and Saratov regions were compared. The survey revealed hidden tensions in the region's interfaith relations (including among the Orthodox majority). Representatives of the Muslim community showed an optimistic attitude in their responses. A potentially dangerous predisposition to politicizing religion has been identified among those groups that are under pressure to identify with their faith. The study revealed: there is a high level of concern about issues of faith among representatives of the Muslim community; a positive attitude towards increasing the role of religion in socio-political life, increasing the level of secularization of society. Atheists of the Lower Volga region showed open dissatisfaction with the state of religious relations in the region. Atheists of the Lower Volga region showed open dissatisfaction with the state of religious relations in the region. This group appears as an object of the religious security system, which under pressure is transformed into a subject protesting against secularization processes. The author concludes that the main strategy should be to study and solve the internal problems of religious minorities, and a complementary strategy can be to counteract external (foreign) religious threats.

Key words: religious security, inter-confessional tension, desecularization, politicization of religion, the Bottom Volga area.

УДК 316.74

ББК 60.5

УРОВЕНЬ И ХАРАКТЕР МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ ¹

Иван Владимирович Суслов

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются данные социологического опроса, проведенного весной 2020 года в Нижнем Поволжье исследовательским коллективом кафедры истории, политологии и социологии Саратовской государственной юридической академии. Сбор первичной социологической информации осуществлялся методом интернет анкетирования респондентов при помощи сервиса Google forms. Объем выборки составил 1100 человек. Были опрошены представители Астраханской области (184 респондента), Волгоградской (307) и Саратовской (609). Эмпирическое исследование позволило определить влияние вероисповедания респондентов на восприятие религиозных угроз, а также проблем межконфессионального диалога. Была выявлена региональная специфика качества межконфессиональных отношений, сопоставлены уровни религиозного напряжения в Астраханской, Волгоградской и Саратовской областях. Опрос показал наличие скрытой напряженности в межконфессиональных отношениях региона (в том числе и среди православного большинства). Представители мусульманской общины в ответах демонстрировали оптимистический настрой.

Опасная в перспективе предрасположенность к политизации религии выявлена среди тех групп, кто подвергается давлению, связанному с конфессиональной идентификацией. Исследование выявило: высокий уровень обеспокоенности вопросами веры среди представителей мусульманской общины; позитивное отношение к увеличению роли религии в общественно-политической жизни, повышению уровня секуляризации общества. Атеисты Нижнего Поволжья проявили открытое недовольство состоянием религиозных отношений в регионе. Данная группа предстает в роли объекта системы религиозной безопасности, который под давлением трансформируется в субъекта, протестующего против процессов секуляризации. Следовательно, стратегия, направленная на изучение и решение внутренних проблем религиозных меньшинств, могла бы стать основной, а противодействие внешним (зарубежным) религиозным угрозам – дополняющей, комплементарной.

Ключевые слова: религиозная безопасность, межконфессиональная напряженность, десекуляризация, политизация религии, Нижнее Поволжье.

Обзор научной литературы по проблемам религиозной безопасности в России за последние десять лет позволил определить несколько позиций, вокруг которых разворачиваются ожесточенные дискуссии. Обсуждение религиозных тем (в научной или духовно-экзистенциальной парадигмах) затрагивает глубоко интимные стороны человеческой деятельности, что способствует повышению уровня бескомпромиссности диспутантов. Сложно представить общественно и научно важную тему, которая бы вызывала больше споров, чем религия, хотя достижение некоторого компромисса и консенсуса является принципиально важным условием стабильного устройства общественной жизни.

Несмотря на то что наука претендует на звание оплота объективного и рационального знания, представители ученого сообщества (под влиянием субъективных предпочтений) разделяют диаметрально противоположные подходы и принципы решения проблем, связанных с религиозной сферой. Оставляя в стороне причины данного парадокса, сосредоточимся на определении тех точек напряженности, которые являются камнем преткновения в научном сообществе.

Во-первых, обзор литературы, затрагивающей тему религиозной безопасности, показал, что идеология и практика религиозного экстремизма является наиболее обсуждаемой проблемой. Главными источниками угроз определяются некоторые течения в исламе, призывающие своих сторонников к радикальным действиям [Ribberink, Achterberg, Houtman 2018]. В связи с этим часть исследователей явным (и неявным) образом определяют российских мусульман как потенциально опасную социальную группу, из числа которой при оп-

ределенных условиях рекрутируются религиозные экстремисты [Рагозина 2018]. Среди экспертов можно выделить два лагеря: первые основным дестабилизирующим фактором считают негативное влияние зарубежных экстремистских организаций [Ефанова, Дринова 2016; Островская 2016]; вторые указывают на необходимость решения внутрисюльских проблем (социально-экономических, политических, исторических и др.), повышающих уровень конфликтности в межконфессиональных отношениях [Малахов, Летняков 2018; Силантьев, Мальцев, Саввин 2016; Сиражудинова 2017].

Вторая по важности проблема, присутствующая в религиозном исследовательском поле, заключается в определении границ, скорости и характера (де)секуляризации общества. Своеобразное написание данного термина подчеркивает наличие споров об определении современных тенденций во взаимодействии религии и общества. Наше общество становится все более секулярным, а значит, (по мнению определенного количества граждан, экспертов, профессионалов и всех заинтересованных лиц) все более бездуховным, или же наоборот наблюдается подъем религиозных чувств, угрожающий прогрессивным процессам модернизации? Это вопрос спорный и открытый, а потому кажется что термин «(де)секуляризация» весьма удачно подчеркивает его дискуссионность.

Одни исследователи отмечают угрозы наступления религии на общество, что сопровождается ущемлением гражданских прав либерально настроенных граждан [Авксентьев, Аксюмов, Васильченко 2016; Топчиев, Штонда 2017], другие указывают на некорректные (некомпетентные) действия общества и

власти по отношению к чувствам верующих граждан, что негативно сказывается на развитии религиозной сферы [Хохлов 2019]. Таким образом, в качестве дискуссионного вопроса может быть определена оценка действий РПЦ и исламского духовенства, стремящихся играть все большую роль в духовной и социально-политической жизни России как фактора (де)стабилизации системы религиозной безопасности.

В-третьих, представители научного сообщества расходятся при оценке роли государства и традиционных религий в противодействии угрозам религиозной безопасности. Представители одного ученого лагеря указывают на некомпетентность чиновничьего аппарата и излишне активную деятельность представителей традиционных религий в регулировании общественных вопросов. Другие придерживаются мнения, что государственное правотворчество – это главный метод решения религиозных проблем, а религиозные деятели – важнейшие субъекты поддержания религиозной безопасности.

Таким образом, публичное обсуждение опасности исходящей от ислама (особенно тех его течений, что являются нетрадиционными для России), очевидно, повышает градус исламофобии в общественном мнении, усиливая токсичность атмосферы межконфессиональных отношений, что, безусловно, можно определить как фактор дестабилизации системы религиозной безопасности. Проведенное эмпирическое исследование позволило определить влияние вероисповедания респондентов на восприятие проблем межконфессионального диалога, а также угроз, связанных с религиозной сферой.

Актуальность проблемы роста религиозного экстремизма в российском обществе и связанного с ним роста общественных фобий по отношению к представителям определенных конфессий не вызывает сомнений. Однако сложнее оценить характер (де)секуляризации и последствия роста влияния традиционных религий на общество. Проведенное эмпирическое исследование позволило также определить уровень, факторы и структуру недовольства религиозной обстановкой в Нижнем Поволжье (Астраханской, Волгоградской и Саратовской областях) у верующих в Бога,

но не присоединившихся к существующим конфессиям, а также атеистически настроенных граждан. Определение актуальных угроз религиозной безопасности (с точки зрения жителей Нижнего Поволжья) позволило дать рекомендации, связанные с выбором стратегии и тактики поддержания религиозной безопасности.

Сбор первичной социологической информации осуществлялся методом интернет-анкетирования респондентов при помощи сервиса Google forms. Объем выборки составил 1100 человек. Полученные результаты обрабатывались с помощью пакета прикладных программ SPSS версии 23.0.

Выборка для массового опроса формировалась из респондентов от 18 лет и старше по схеме стратифицированной выборки с организацией ступеней по территориальному принципу. Были опрошены представители Астраханской области (184 респондента), Волгоградской (307) и Саратовской (609). На последней ступени отбора применялась квотная выборка (квотирование по конфессиональной структуре взрослого населения). Таким образом, среди опрошенных оказалось: 44 % православных; 17,2 % атеистов; верящих в бога, но конкретную религию не исповедующих – 14,9 %; 8,9 % мусульман; 3,6 % исповедующих христианство, но не считающих себя ни православным, ни католиком, ни протестантом; исповедующих православие, но не принадлежащих к Русской Православной Церкви и не являющихся старообрядцем – 3,5 %. Кроме этого в опросе приняли участие и представители религиозных меньшинств – буддисты, старообрядцы, протестанты, кришнаиты, иудеи, язычники. Конфессиональные квоты приблизительно соответствуют конфессиональной структуре населения Нижнего Поволжья.

Оценка репрезентативности полученных результатов предполагает два замечания. Во-первых, опрос проводился в сети Интернет и был ориентирован в первую очередь на молодежную аудиторию. В связи с этим произошло смещение выборки в сторону респондентов от 18 до 30 лет. Их оказалось около 60 % от числа всех респондентов, представителей следующей возрастной группы (от 31 до 45 лет) – около 25 %. Таким образом, опрос в

первую очередь ориентировался на мнение возрастной категории, которая чаще всего попадает под влияние экстремистов. Кроме того, мировоззрение и действие современного молодого поколения будет определять религиозную ситуацию ближайшего будущего.

Во-вторых, выборка оказалась также смещена в пользу респондентов из Саратовской области. Их оказалось в два раза больше, чем жителей Волгоградской области и более чем в три раза – Астраханской. В идеале респондентов из Саратовской и Волгоградской областей должно было быть равное количество. Правильное соотношение респондентов к численности населения удалось выдержать по Астраханской и Волгоградской областям. Данное смещение позволило увеличить репрезентативность результатов по саратовскому региону. Таким образом, результаты опроса оказываются репрезентативными, если анализировать данные отдельно по регионам, возрастным группам и/или конфессиям.

Демонстративный оптимизм мусульманской общины

Итоги опроса рисуют картину межконфессиональных отношений в Нижнем Поволжье (Астраханской, Волгоградской и Саратовской областях) в благожелательном ключе и позитивных красках. 75,8 % респондентов оценили межконфессиональные отношения как доброжелательные, нормальные и бесконфликтные: 81 % респондентов на вопрос *«Примлемо ли для вас, чтобы ваш ребенок учился с детьми другой национальности и вероисповедания?»* ответили утвердительно; 81,4 % респондентов *стали бы покупать дом по низкой цене с соседями, исповедующими иную религию*; 87 % респондентов не испытывали в течение последнего года по отношению к себе неприязнь, враждебное отношение из-за своей национальной, религиозной принадлежности; 92,6 % респондентов согласны с тем, что *насилие в религиозных спорах недопустимо*.

Первой проверкой подобной позитивной оценки межконфессиональных отношений в регионе должно быть сравнение результатов опроса по каждой конфессиональной группе отдельно.

Оказалось, что мусульмане чаще других оценивали отношения как доброжелательные (31,6 %), среди православных респондентов обнаружилось лишь 19 % подобных оптимистов. Улучшение отношений между конфессиями за последние три года чаще всего (19,4 %) отмечали мусульмане, самые пессимистично настроенные респонденты принадлежат опять же к атеистам. Следует отметить, что мусульмане проявили также и наибольшую компетентность в данном вопросе: процент затруднившихся ответить среди них всего лишь 27,6 % (хотя в среднем по выборке указали на незнание проблемы 38,2 % респондентов).

Удивительно, но при весьма позитивном оценивании качества межконфессиональных отношений в регионе каждый пятый мусульманин (20,4 %) отметил, что за последний год испытывал по отношению к себе неприязнь, враждебность из-за своей национальной/религиозной принадлежности. Православные респонденты негативное воздействие испытывали в четыре раза реже (5,4 %). За последний год 18,4 % принявших участие в опросе мусульман сталкивались с нарушением прав или ограничением возможностей при поступлении на работу, продвижении по работе, при обращении в государственные учреждения.

Таким образом, прямой вопрос с предложением оценить характер межконфессиональных отношений в регионе может быть оценен как нечувствительный (не сенситивный) к выявлению реальных проблем, а значит неадекватный задачам исследования. Вопросы о личном опыте религиозной дискриминации респондентов дают более точную картину религиозной ситуации в регионе.

Скрытые страхи православного большинства

Целый ряд вопросов позволяют оценить **скрытый уровень тревожности** у представителей различных конфессий, проживающих в Нижнем Поволжье, который сложно зафиксировать с помощью прямых вопросов. Весьма позитивная картина межконфессиональных отношений омрачается «ложкой дегтя» – около трети респондентов (30,4 %) оценило рост численности одних национальностей и умень-

шение других как негативный фактор для религиозной безопасности, а еще треть (34,7 %) затруднились ответить.

В формулировке вопроса не были конкретизированы национальности, увеличение численности которых вызывает тревогу у большинства населения. Но заметим, что мусульмане существенно реже отмечали отрицательное влияние изменения этнической картины региона на развитие межконфессиональных отношений (а именно в 18,4 % случаях при среднем показателе в 30,4 %). Таким образом, можно отметить, что демографические изменения особенно волнуют представителей не-исламских конфессий.

Уровень скрытой тревожности православного большинства ярко проявляет себя в ответах на вопрос «Согласны ли вы, что государству следует поддерживать в первую очередь культуру и религию большинства населения страны – русских?». 52,6 % исповедующих православие, проявив нетолерантность, согласились. Любопытно, что 85,7 % тех же самых (православных) респондентов во время опроса заявили о том, что «государство должно поддерживать культуру и религии всех народов России».

Однако скрытый уровень тревожности именно мусульманской общины (вероятно вызванной распространением исламофобии в российском обществе) позволяет констатировать значимость для респондента вопроса о вероисповедании его начальства (и наоборот). Данные проведенного исследования показывают, что 12,2 % мусульман считают крайне важной религиозную идентификацию начальства (хотя в среднем по выборке процент тех, кто обращает внимание на веру вышестоящих лиц около 5 %).

Высокий авторитет исламского духовенства может быть следствием высокого уровня тревожности мусульманской общины Нижнего Поволжья: 48,8 % представителей исламской конфессии отметили значимость мнения религиозных лидеров по общественным и политическим проблемам (средний показатель по региону составил всего 18,1 %). Среди мусульман больше, чем среди других конфессий распространено мнение, что *сильным и справедливым может быть только государство с религиозной идеологией* (35,8 %

против 21,2 % в среднем по выборке). Мусульмане реже остальных соглашались с мнением, что *чувства верующих оскорбить невозможно* (25,5 % против 41,7 % в среднем по выборке), а *государство должно быть светским* (49 % мусульман против 76 % в среднем по выборке).

Таким образом, данные опроса позволили определить анкетные вопросы для выявления скрытой тревожности и напряжения в межконфессиональных отношениях Нижнего Поволжья. В результате был зафиксирован высокий уровень обеспокоенности вопросами веры среди представителей мусульманской общины, и в частности позитивное отношение к увеличению роли религии в общественно-политической жизни, а значит, и повышению уровня секуляризации общества.

Региональная специфика межконфессиональных отношений

Проведенное эмпирическое исследование позволило выяснить региональную специфику качества межконфессиональных отношений и сопоставить уровни религиозного напряжения в Астраханской, Волгоградской и Саратовской областях.

Региональный анализ ответов, данных на прямой вопрос: «Каковы, на Ваш взгляд, отношения между людьми различных национальностей и вероисповеданий в Вашем регионе?», позволяет объединить Астраханскую и Волгоградскую область в один кластер и противопоставить его Саратовской области. В Саратовской области оказалось меньше всего (почти в два раза) тех, кто оценил отношения между конфессиями как доброжелательные. При этом именно в Саратовской области был самый большой процент тех, кто затруднился оценить современный характер межконфессиональных отношений, их динамику за три последних года, а также определить важность такого фактора как трансформация этнического портрета региона для поддержания религиозной безопасности (см. табл. 1).

Вышеприведенные результаты могут быть объяснены наличием у респондентов из Саратовской области неосознаваемой тревожности состоянием межконфессиональных отношений, что обусловило низкую популярность

доброжелательной оценки и высокую долю затруднившихся с ответом. При этом парадоксально, но в Саратовской области процент испытывавших неприязнь со стороны окружающих из-за религиозной принадлежности оказался всего 7,9 % (в Астраханской области аналогичный показатель составил 13,6 %, а в Волгоградской – 9,2 %). На вероисповедание начальства обращают внимание в Саратовской области 3,3 % респондентов, что в два с половиной раза меньше, чем в Волгограде и в три раза меньше астраханских показателей. Таким образом, можно сделать вывод о распространении в Саратовской области тревожности населения о развитии межконфессиональных отношений в будущем.

Спецификой Астраханской области является наибольшее количество респондентов, пожаловавшихся на дискриминацию по религиозному признаку. Кроме этого следует отметить большее одобрение роста роли религии в обществе, чем в соседних регионах. Например, 12 % жителей Астраханской области полностью согласились с тем, что *мнение религиозных лидеров по общественным и политическим проблемам является значимым*. В Волгограде и Саратове данный показатель составил всего лишь 4,9 % и 4,8 % соответственно. Примерно такое же количество респондентов (и в той же региональной пропорции) пожелало увеличить количество

религиозных передач. Кроме того в Астрахани, по сравнению с Саратовом, оказалось на 10 % больше тех, кто согласен на преподавание в школе дисциплин, связанных с религией. Как оценивать данную тенденцию пока неясно. С одной стороны, эксперты часто отмечают религиозное многообразие астраханского региона как сильный ресурс его устойчивости, с другой стороны, четверть жителей Астраханской области полностью согласилась с идеей защиты культуры и религии большинства. Бросаются в глаза резкие диспропорции астраханских показателей, с одной стороны, и волгоградских и саратовских, с другой (табл. 2). Распределение ответов на вопрос, *следует ли государству поддерживать в первую очередь культуру и религию большинства населения страны*, может свидетельствовать о наличии в регионе у русских эмоционально окрашенного недовольства и тревоги состоянием межконфессиональных отношений.

Таким образом, респонденты Саратовской области, в отличие от астраханцев и волгоградцев, продемонстрировали меньше интереса и знаний относительно угроз религиозной безопасности. Астраханская область отличается большей религиозностью населения, а также высоким уровнем озабоченности угрозами, связанными с религиозной сферой.

Таблица 1

Отношения между людьми различных вероисповеданий в Нижнем Поволжье, в %

Область	Каковы, на Ваш взгляд, отношения между людьми различных вероисповеданий в Вашем регионе?				
	Доброжелательные	Нормальные, бесконфликтные	Напряженные, конфликтные	Взрывоопасные, способные перейти в открытые столкновения	Затрудняюсь ответить
Астраханская	22,4	56,3	10,9	2,7	7,7
Волгоградская	20,3	60,1	8,5	1,3	9,8
Саратовская	13,2	59,4	10,7	2,3	14,5

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Государству следует поддерживать в первую очередь культуру и религию большинства населения страны – русских?», в %

Область	Степень согласия				
	Полностью согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Абсолютно не согласен	Затрудняюсь ответить
Астраханская	25,1	12,6	23,5	26,8	12,0
Волгоградская	15,0	26,1	24,2	20,9	13,7
Саратовская	15,5	23,4	24,5	26,2	10,5

**(Де)секуляризация
как фактор поддержания
религиозной безопасности**

Обострение межконфессиональных отношений, дискриминация представителей конфессиональных меньшинств, экстремизм на религиозной почве являются явными угрозами национальной безопасности. Наряду с очевидными проблемами духовно-религиозной сферы следует отметить процессы и явления, чье значение для системы религиозной безопасности является дискуссионным. Основной проблемой, вызывающей споры в научном и экспертном сообществе, является выбор модели взаимоотношения между духовными организациями и атеистическим сообществом в публичной сфере. С одной стороны, атеисты и часть ученых считают, что угроза религиозной безопасности может исходить из роста влияния традиционных (основных) религий на общество. С другой стороны, духовные лидеры традиционных конфессий и часть ученых называют прозелитизм нетрадиционных религий, атеизм граждан, общую бездуховность общества и религиозно некомпетентные действия государственных чиновников факторами дестабилизации религиозной ситуации.

Отечественное государство и общество традиционно недоверчиво относятся к атеистам и представителям нетрадиционных религиозных деноминаций. Угроза активного прозелитизма обнаруживается в нежелательном размывании духовных скреп российской цивилизации. Все «нетрадиционное» объявляется нежелательным, в том числе и с опорой на социологические доказательства. Например, в исследовании Института социологии РАН (2014–2015 гг.) была выявлена корреляция между патриотизмом и приверженностью к традиционной религии. Оказалось, что суждение о том, что «*Родина у человека одна и нехорошо ее покидать*», разделяют 58 % православных и мусульман, 51 % атеистов и 43 % верующих всех конфессий. Космополитические настроения, наоборот, доминируют в группе внеконфессиональных верующих – 57 %, среди атеистов поддерживают такие настроения 48 %» [Мчедлова 2016].

Проведенное эмпирическое исследование позволило зафиксировать мнения атеис-

тов и внеконфессиональных верующих о проблемах религиозной безопасности, выявить уровень обеспокоенности процессами десекуляризации. По данным проведенного опроса атеистов оказалось 17,2 % от общего количества респондентов. Кроме того 14,9 % опрошенных идентифицировали себя с теми, кто *верит в Бога (в высшую силу), но конкретную религию не исповедует*. Объединение атеистов и верующих в Бога (или высшую силу) позволяет сформировать номинальную группу тех, кто не имеет аффилиации ни с одной религиозной организацией, структурой или общиной. Обе категории в совокупности дают заметную и весомую треть от всех участвующих в опросе, что оправдывает определение процесса десекуляризации общественной жизни как фактора недовольства части населения, потенциально угрожающего системе религиозной безопасности.

Атеисты оказались настроены наиболее скептически и негативно по многим показателям. Например, реже всех отмечали наличие доброжелательных отношений между конфессиями в регионе. Среди них был также самый высокий процент затруднившихся ответить (19,1 %). Также атеисты достаточно часто (в 13,7 % случаях) указывали на враждебное отношение, связанное с религиозными убеждениями. Однако с нарушением прав и дискриминацией за последний год столкнулись лишь 5 % атеистов.

Большинство атеистов (64,1 %) резко против государственной поддержки религии «русских». Среди них самый высокий процент (74,4 %) тех, кто не желает, чтобы в школе преподавались религиозные дисциплины, а также тех, кого раздражает религиозная музыка в публичных местах (57,3 %). В то время в среднем по выборке раздражение испытывали (религиозными уроками) 34,2 % и (религиозной музыкой) 30,7 % респондентов соответственно. Закон о защите прав верующих поддержали только 24,6 % атеистически настроенных респондентов, хотя по всей выборке данный показатель одобрения доходит до 45 %. Среди атеистов самый низкий уровень (1,8 %) поддержки тезиса: *сильным и справедливым может быть только государство с религиозной идеологией* (средний по выборке уровень одобрения составляет 21,2 %).

Таким образом, атеисты Нижнего Поволжья проявили открытое недовольство состоянием религиозных отношений в регионе. Данная группа предстает в роли объекта системы религиозной безопасности, который под давлением трансформируется в субъекта, протестующего против процессов секуляризации.

Выводы

Опрос среди населения Нижнего Поволжья позволил выявить скрытую напряженность в межконфессиональных отношениях. Отягчающим и потенциально опасным обстоятельством является поддержка политизации религии среди тех групп, кто подвергается давлению, связанному с конфессиональной идентификацией. Данные опасения опираются также на результаты опроса в Башкирии, где был проверен тезис о более высоком проценте сочувствующих экстремистам среди тех, кто считает правильным пересмотреть принципы светскости в публичной и политической сферах и, например, разрешить создавать партии на религиозной основе. Действительно, сравнительный анализ показал, что среди поддерживающих создание религиозных партий оказалось 7 % согласных с утверждением, что «вооруженные защитники чистоты веры – настоящие герои, которые заслуживают уважения» (против 2,6 % в среднем среди населения региона) [Рыжова 2015]. Политизация атеистически настроенных граждан в будущем может стать фактором, дестабилизирующим религиозную ситуацию.

Опрос позволил апробировать методику выявления уровня тревожности как религиозного большинства, так и меньшинств. Наиболее чувствительными вопросами оказались те, что были связаны с миграционной и конфессиональной политикой государства. Ухудшение религиозной ситуации увеличивает долю респондентов, одобряющих увеличение роли государства в регулировании межконфессиональных отношений и предоставление больших преференций религиозному большинству.

В связи с этим стратегия, направленная на изучение и решение внутренних проблем религиозных меньшинств, могла бы стать основной, а противодействие внешним (зарубеж-

ным) религиозным угрозам – дополняющей, комплементарной. Анализ страхов, опасений религиозных меньшинств позволит достичь большей ясности и прозрачности в межконфессиональных отношениях, нежели введение охранительно-запретительных мер – бессильных в информационном обществе, но повышающих уровень общественного недоверия и социальной закрытости.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00389 «Религиозная безопасность в Нижнем Поволжье: современное состояние и технологии стабилизации».

The reported study was funded by RFBR, project no. 19-011-00389 “The religious security of the Bottom Volga area: current state and stabilization technology”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авксентьев, Аксюмов, Васильченко 2016 – *Авксентьев В., Аксюмов В., Васильченко В.* Конфликт вокруг хиджабов: религия или политика? // Россия и мусульманский мир. 2016. № 10. С. 53–67.
- Ефанова, Дринова 2016 – *Ефанова Е.В., Дринова Е.М.* К вопросу о распространении исламского радикализма в молодежной среде в современной России (на примере субъектов ЮФО) // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 5. С. 249–257.
- Малахов, Летняков 2018 – *Малахов В., Летняков Д.* Ислам в восприятии российского общества: сравнительно-политический аспект // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 36 (2). С. 248–271.
- Мчедлова 2016 – *Мчедлова М.М.* Религия, общество, государство: вызовы и угрозы современности // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 110–118.
- Островская 2016 – *Островская Е.А.* О глобальных транснациональных этнорелигиозных диаспорах // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 102–110.
- Рагозина 2018 – *Рагозина С.* Защищая «традиционный» ислам от «радикального»: дискурс исламофобии в российских СМИ // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 36 (2). С. 272–299.

- Рыжова 2015 – Рыжова С.В. Этноконфессиональная идентичность и формирование религиозных политических ориентаций // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 136–144.
- Силантьев, Мальцев, Саввин 2016 – Силантьев Р.А., Мальцев В.В., Саввин А.В. Основные причины вовлечения новообращенных мусульман России в экстремистскую и террористическую деятельность // Исламоведение. 2016. № 7 (2). С. 39–45.
- Сиражудинова 2017 – Сиражудинова С. Неофиты в структуре радикального ислама // Власть. 2017. № 1. С. 14–25.
- Топчиев, Штонда 2017 – Топчиев М.С., Штонда В.В. Трансформация отношения к хиджабу как маркеру чужого в современной культуре // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 3. С. 171–179.
- Хохлов 2019 – Хохлов А.А. Политизация религиозных сообществ и проблемы межкультурного взаимопонимания в постсекулярной России // Вестник РГТУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 153–163.
- Ribberink, Achterberg, Houtman 2018 – Ribberink E., Achterberg P., Houtman D. Religious Polarization: Contesting Religion in Secularized Western European countries // Journal of Contemporary Religion. 2018. № 33 (2). P. 209–227. – DOI: <https://orcid.org/10.1080/13537903.2018.1469262>.
- Malakhov V., Letnyakov D., 2018. Islam in the Perception of Russian Society: A Comparative Political Aspect, *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom*, no. 36 (2), pp. 248-271.
- Mchedlova M.M., 2016. Religion, Society, State: Challenges and Threats of Modernity. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies], no. 10, pp. 110-118.
- Ostrovskaya E.A., 2016. On Global Transnational Ethno-Religious Diasporas. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 10, pp. 102-110.
- Ragozina S., 2018. Protecting “Traditional Islam” from “Radical Islam”: Discourse of Islamophobia in the Russian Media. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom*, no. 36 (2), pp. 272-299.
- Ryzhova S.V., 2015. Ethnoconfessional Identity and the Formation of Religious and Political Orientations. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 10, pp. 136-144.
- Silantsev R.A., Malcev V.V., Savvin A.V., 2016. The Main Reasons for the Involvement of Russian Muslim Converts in Extremist and Terrorist Activities, *Islamovedenie*, no. 7 (2), pp. 39-45.
- Sirazhudinova S., 2017. Neophytes in the Structure of Radical Islam. *Vlast*, no. 1. pp. 14-25.
- Topchiev M.S., Shtonda V.V., 2017. Transformation of the Attitude to the Hijab as a Marker of the Alien in Modern Culture. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura*, no. 3. pp. 171-179.
- Khokhlov A.A., 2019. The Politicization of Religious Communities and Issues of Cross-Cultural Understanding in a Post-Secular Russia. *Vestnik RSUH. Series “Philosophiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie”*, no. 1, pp. 153-163.
- Ribberink E., Achterberg P., Houtman D., 2018. Religious Polarization: Contesting Religion in Secularized Western European Countries, *Journal of Contemporary Religion*, no. 33 (2), pp. 209-227. DOI: <https://doi.org/10.1080/13537903.2018.1469262>.

REFERENCES

- Avksentiev V., Aksyumov V., Vasilchenko V., 2016. Conflict over Hijabs: Religion or Politics? *Russia and the Muslim World*, no. 10, pp. 53-67.
- Efanova E.V., Drinova E.M., 2016. On the Issue of the Spread of Islamic Radicalism Among Young People in Modern Russia (On the Example of the Subjects of the Southern Federal District). *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*, no 5, pp. 249-257.

Information About the Author

Ivan V. Suslov, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of History, Political Science and Sociology, Saratov State Law Academy, Volskaya St, 1, 410056 Saratov, Russian Federation, Suslov85@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0991-6368>

Информация об авторе

Иван Владимирович Суслов, кандидат социологических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии, Саратовская государственная юридическая академия, ул. Вольская, 1, 410056 г. Саратов, Российская Федерация, Suslov85@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0991-6368>